

УДК 947.073.2
ББК 63.3(2)47
К-19

Кандор Руслан Султанович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, т.: 8(906)4385989.

**АДРИАНОПОЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР:
ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КНЯЖЕСТВ ЧЕРКЕССИИ
С РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ (30-е годы XIX в.)
(рецензирована)**

Статья посвящена изучению практики взаимоотношений равнинных княжеств Черкесии и Российской империи после заключения Адрианопольского мирного договора. Отмечено, что российская военная администрация заменяет своим контролем и сильной властью господство черкесских князей и дворян в пределах их старых владений.

Ключевые слова: Адрианопольский мир, черкесские княжества, Российская империя, взаимоотношения, покровительство, верховная власть.

Candor Ruslan Sultanovich, Candidate of History, a senior researcher of the History department of the Adygeya Republic Institute of Humanitarian Studies named after T.M. Kerashev, tel.: 8 (906) 4385989.

**PEACE TREATY OF ADRIANOPOLE: PRACTICE OF POLITICAL RELATIONS OF
CIRCASSIAN PRINCIPALITIES AND THE RUSSIAN EMPIRE
(30-s of XIX century)
(reviewed)**

The article investigates the relationships of the Circassian plain principalities and the Russian Empire after the Peace Treaty of Adrianople. It is noted that the Russian military administration replaces the domination of the Circassian princes and nobles by its control and strong power within their old possessions.

Keywords: Adrianople peace, Circassian principalities, the Russian Empire, relationships, protection, sovereignty.

Политические взаимоотношения черкесских княжеств с Российской империей остаются не в полной мере исследованными исторической наукой, и обстоятельное изучение этой проблемы, с привлечением широкого круга источников, позволит раскрыть многоплановый спектр как российско-черкесских, так российско-кавказских политических связей в первой половине XIX в.

Важное влияние на характер этих взаимоотношений оказывала внешнеполитическая ситуация и внутренняя социально-политическая обстановка, в которой находились черкесские княжеские владения. Очевидно, что черкесы не противопоставляли себя османскому исламу и, признавая верховный сюзеренитет султана Османской империи, его религиозный авторитет в качестве халифа – верховного главы мусульман, они фактически оставались политически независимыми.

Дипломатическая практика компромиссов, на которые вынуждена была идти Порта при заключении мирных договоров с Российской империей в конце XVIII в. – начале XIX в., уже давала повод для дальнейшего обострения противоречий между ними в борьбе за Северо-Западный Кавказ, вплотную к которому продвинулась граница России.

Эта дипломатическая практика, выявила российские внешнеполитические цели и определила районы, которые наметила Российская империя для дальнейшей экспансии.

Русско-турецкая война 1828-1829 гг. завершилась подписанием в сентябре 1829 г. Адрианопольского мирного договора. По условиям статьи 4 этого договора: «... весь берег Черного моря от устья р. Кубани до пристани Св. Николая включительно, пребудут в вечном владении Российской империи» [1, с. 106]. Блистательная Порта согласилась на вхождение территории населенной западными черкесами в состав Российской империи. В отечественной историографии в основе исследований, посвященных взаимоотношениям Российской империи с народами Кавказа в период Восточного кризиса XIX в., лежат положения статьи 4 Адрианопольского мирного договора [2].

Однако небезынтересно отметить, что кроме положений вышеназванной статьи 4, отечественными учеными не исследуется другая важная часть этого договора, соблюдение которой в свою очередь могло бы создать иной, более цивилизованный механизм вхождения новых владений в состав России, чем тот, который навязывался на Северо-Западном Кавказе генералом Ермоловым. Речь идет о положениях статьи 13 Адрианопольского мирного договора, в которых говорится о даровании обеими державами общего прощения и полной амнистии всем своим поданным, какого бы звания они ни были, которые в течении русско-турецкой войны 1828-1829 гг. принимали участие в военных действиях или «... обнаруживали поведением своим приверженность к какой-либо из двух договаривающихся держав». Никто из них за прежние свои поступки, согласно условиям этой статьи, не должен был подвергаться преследованиям и каждому из них предоставлялось право вновь вступить во владение прежней своей собственностью и пользоваться ею или, не опасаясь никаких притязаний или притеснений, продать ее в течении восемнадцати месяцев, и «если пожелает переселиться со своим семейством и движимым имуществом в другую страну по его избранию» [1, с. 111].

Между тем в истории политических российско-черкесских взаимоотношений имеется определенная практика применения положений статьи 13 Адрианопольского договора. Одним из таких примеров является факт признания и утверждения в 1830 г. российским военным командованием в лице главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршала графа Паскевича Эриванского черкесских князей Джамбулата Болотокова (Айтекова) и Мамат-Гирея Кунчукова в качестве верховных владельцев Темиргоевского княжества и Черченеевского владения Бжедугского княжества соответственно.

После объявления осенью 1830 г. «Прокламации к Горским Народам» генерал-фельдмаршала графа Паскевича Эриванского, командующий 20 пехотной дивизией генерал-лейтенант Панкратьев начинает вести переговоры с большими князьями как Темиргоевского княжества, так и Черченеевского владения Бжедугского княжества. Посредниками на этих переговорах выступили шапсугский дворянин Бесленей Абат и чиновник российской иностранной коллегии Тауш. В своем рапорте к главнокомандующему генерал-лейтенант Панкратьев докладывал о прибытии из-за Кубани в Усть-Лабинскую крепость доверенного лица от «известного наездника и владельца темиргойского Джан Булета, который секретно просит позволения явится к Вашему Сиятельству по переходу Вашем за Кубань» [3, л. 1].

Надо отметить, что генерал-лейтенант Панкратьев получил широкие полномочия от графа Паскевича в решении вопроса приведения к верноподданнической присяге России влиятельнейших князей закубанских черкесских владений. И неслучайно, что генерал-лейтенант Панкратьев характеризовался как офицер имеющий как военные, так и гражданские способности, и он уже имел опыт управления заграничными провинциями в

течении трех лет, где «показал справедливость, деятельность и верный взгляд» [4, л. 1 об.]. Ему удалось уговорить генерал-лейтенанта Эмануэля отказаться от требования к черкесским князьям о возвращении всего, что было захвачено ими на российской территории, при одном только неизменном и обязательном условии – возвращение всех российских узников находящихся в черкесских владениях.

Вместе с тем, создается впечатление, что и черкесские князья Джамбулат Болотоков и Мамат-Гирей Кунчуков были знакомы с содержанием статей Адрианопольского договора. Представляют интерес и аргументы, высказанные черкесскими князьями на переговорах с генерал-лейтенантом Панкратьевым, который писал: «Эти горцы говорят: мы подчинялись Турции, поэтому мы воевали против Вас; и если мы захватывали у Вас добычу, то вы делали то же самое с нами; мы Вам будем служить предано и если мы нарушим свои обязательства, вы можете наказать нас по своему усмотрению» [5, л. 2].

Темиргоевский князь Джамбулат Болотоков и черченеевский князь Мамат-Гирей Кунчуков после длительных переговоров и некоторых колебаний явились 5 октября 1830 г. в русский военный лагерь при Длинном лесе у р. Шхагуаще в Темиргоевском владении, и выразили желание присягнуть на верность Российскому императору. Они обещали повиновение и образцовое усердие, и предложили привести с собой до пятисот всадников для «борьбы с бунтовщиками». Однако и черкесские князья просили русское командование выполнить следующие важные условия:

1. Сохранение их владельческих прав на их собственность и на их вассалов;
2. Подтверждение права их главенства в их семьях, согласно которому самые старшие князья одного и того же рода сохраняют некоторые преимущества над всеми остальными;
3. Содействие в защите от абадзехов, с которыми они находятся в ссоре;
4. Заключение соглашения на земли, где они проживают, и забыть прошлое [5, л. 1-1об.].

Как видим, все высказанные просьбы черкесских князей, вполне соответствовали духу Адрианопольского мирного договора. «Я предполагаю господин Командующий, что эти условия являются приемлемыми, – писал генерал-лейтенант Панкратьев, – так как эти люди могут быть нам исключительно полезными, и если они будут проливать кровь за наше дело, было бы справедливо согласиться простить им прошлое... Правда, можно получить несколько тысяч овец, но тогда это будет связано с потерей нескольких тысяч подданных, и кому будет выгоден этот акт грабежа, называемый «Баранта»» [5, л. 1об.-2об.].

За процедурой приведения к верноподданнической присяге Российской империи черкесских князей, наблюдал назначенный генерал-фельдмаршалом Паскевичем статский советник по особым поручениям князь Палавадов. По приказу главнокомандующего, черкесам Темиргоевского княжества и Черченеевского владения Бжедугского княжества была разрешена беспрепятственная торговля на российских меновых дворах. На меновые дворы допускались торговцы только по специальным билетам с именной княжеской печатью, которая, как видно из докладной записки генерал-лейтенанта Эмануэля, должна была быть вскоре изготовлена и выслана из Ставрополя [6, 1-1об.].

Позднее генерал-лейтенант Головин писал о том, что генерал-фельд-маршал Паскевич Эриванский в 1830 г. «во время экспедиции, совершенной под личным предводительством его светлости за Кубань, признав полезным склонить на нашу сторону Джамбулата, изволил вызвать его к себе и впоследствии данных им обещаний в покорности нам, утвердить его владетелем Кемиргойского народа, населяющего

пространство между Кубанью и Белою речкою» [7, л. 6]. Подтверждение этого факта находим также и в рапорте генерал-майора Султана Азамат-Гирея, в котором говорится о том, что генерал-фельдмаршал Паскевич «простил ему (Джамбулату Болотокову – Р.К.) все его проступки в продолжительное время его действия против нашей границы, как на лице первенствующего в горах признал и утвердил владетелем Кемиргойского племени, с которого времени он Джамбулат Айтеков остался верным России» [7, л. 2об.].

По соглашению с Джамбулатом Болотоковым, в 1830 г. в верховьях р. Гиаге на границе Темиргоевского владения с абадзехами, живущими в верховьях р. Фарс, закладывается российское военное укрепление при Длинном лесе [8, л. 14]. Кроме того, в феврале 1831 г. генерал-фельдмаршал Паскевич Эриванский в отношении к генералу Эмануэлю говорил «об учинении распоряжения, чтобы по требованиям владельца Джамбулета посылали к нему на помощь из Усть-Лабы или из Длинного лесу один батальон пехоты с 4 орудиями, наблюдая при сем случае всю воинскую осторожность» [9, л. 1].

Как видно из этих архивных источников, происходит последовательное соблюдение взаимных союзнических обязательств между старшим князем Джамбулатом Болотоковым и главнокомандующим Кавказским отдельным корпусом, генерал-фельдмаршалом Паскевичем Эриванским.

В июне 1831 г. генерал-майор Ралль докладывал генерал-лейтенанту Эмануэлю о том, что «Темиргойский владелец Джамбулат Айтеков, приехав того 12 числа (12 июня 1831 г. в укр. Длиннолесское – К.Р.) в крепость, лично известил ..., что партия абадзехов его собственными старанием, через увещевание посланных от него узденей и князей 11 числа разъехалась, по своим аулам и намерение свое вторгнуться в пределы России совершенно оставили, что по сему прорыва в линию нашу большую массою ожидать нельзя. О мелких же воровских шайках и их намерениях он Джамбулат Айтеков не имеет возможности» [10, л. 123].

Князь Джамбулат Болотоков обеспечивал спокойствие внутри Темиргоевского владения и безопасность напротив Кубанской линии, не допуская прохода через свою территорию как карательных экспедиций российских войск за р. Шагуаше против черкесов-абадзехов, так и абадзехских «партий» под предводительством дворянина Харцыз Алле (Джанчатова – Р.К.), нападавших на российские населенные пункты по Кавказской линии.

Однако, в июне 1831 г. генерал-фельдмаршала Паскевича Эриванского назначают главнокомандующим армии выступающей для подавления восстания в Польше, и с этого момента все более и более становится заметным свертывание союзнических взаимоотношений больших черкесских князей и российского военного командования на Кавказской линии. Первым шагом в этом процессе было уничтожение по инициативе российских военных укрепления Длиннолесского, создаваемого для защиты князя Джамбулата Болотокова. Вероятно, что демонстративное невыполнение письменно закрепленных договоренностей с темиргоевским князем со стороны российских военных на Кавказской линии поначалу останавливал авторитет и влияние генерал-фельдмаршала Паскевича, который продолжал еще некоторое время курировать российскую политику на Кавказе.

Но в октябре 1836 г. предательским выстрелом в спину убивают темиргоевского князя Джамбулата Болотокова при обстоятельствах, которые указывали на причастность к этому событию командующего войсками на Кубанской линии генерал-майора Засса. Для современников этот факт был очевидным. А вскоре после этого, весной 1837 г. на лесной тропе также предательски убивают и черченеевского князя Мамат-Гирея Кунчукова.

После убийства князя Джамбулата Болотокова его младший брат Шеретлук Болотоков наследует звание большого князя Темиргоевского владения, вступление которого в управление этим владением прошло не без одобрения российского командования на Кубанской линии [7, л. 8]. Кроме того, Шеретлук Болотоков являлся поручиком русской армии и находился в подчинении начальника Кубанской линии, что давало повод современникам подозревать его в причастности к убийству своего старшего брата. Уже в ноябре 1836 г. князь Шеретлук Болотоков вместе с отрядом генерал-майора Засса участвует в нападении с территории Темиргоевского владения на абадзехские аулы, находившиеся за р. Шагуаще [11, л. 62].

Следует отметить, что российское командование как на Черноморской, так и на Кубанской линиях следует рекомендациям командующего войсками Правого фланга Кавказской линии, генерал-лейтенанта Вельяминова, высказавшего в ноябре 1831 г., что его «намерение состоит вообще в том, чтобы не препятствовать горцам в междоусобных распрях их, и даже поощрять их к оным, всегда когда предвидится к тому возможность» [12, л. 3об.].

Между тем, к декабрю 1840 г. от некогда обширного Темиргоевского владения вновь построенная Лабинская линия отделяет ориентированных на Россию бжедугов, хатукаевцев, адамиевцев, часть темиргоевцев и егерухаевцев, расселенных по левому берегу р. Кубани, и, соответственно, выводит их из-под управления большого князя Шеретлука Болотокова. А переселение на левый берег Кубани аулов черкесо-гаев (черкесских армян) и черкес-урумов (черкесских греков) с рек Шагуаще и Лаба, лишает большого князя Шеретлука Болотокова возможности контролировать операции, связанные с обменом товарами и внешней торговлей, являвшейся одной из важных статей его доходов. Одновременно с этим Лабинская линия значительно ограничивает хозяйственное использование «мирными» черкесами земель по правобережью Лабы. И как верно отмечалось в секретной переписке с генерал-адъютантом Граббе: «...устройство Лабинской линии возбудило неудовольствие между мирными горцами, жившими на Лабе, потому что кроме ощутимого стеснения в поземельном довольствии, они видят, что когда мы утвердимся на Лабе, то будем иметь возможность устроить бдительный надзор за их поведением и всеми их действиями ... Люди высшего сословия более прочих, само собою разумеется опасались утверждения нашего на Лабе, потому что с этим вместе они лишаются своей власти и влияния» [13, л. 2]. Под управлением князя Шеретлука Болотокова осталась только его фамильная вотчина из нескольких аулов темиргоевцев и егерухаевцев, так как остальные темиргоевские и егерухаевские аулы, располагавшиеся по левобережью р. Белой, считаются уже «немирными», и всякие контакты с ними строго наказывались российской военной администрацией.

Таким образом, Адрианопольский мирный договор предоставлял графу Паскевичу все возможности продолжить в Черкесии политику цивилизованного, мирного включения кавказских народов в состав России. Равнинные черкесские княжества переходили под покровительство России, как вассалы-союзники. Большие черкесские князья при этом сохраняли свои земельные и владельческие права, свою традиционную систему управления.

Однако, уже к концу 30-х гг. XIX в. традиционная система управления равнинных княжеств меняется до такой степени, что часть полномочий князей и их обязанностей, санкционированных обычным правом, вопреки достигнутым ранее договоренностям, начинают регулировать локальные российские военные начальники Кубанской и Черноморской линий. В тщетной попытке сохранения независимости, равнинная черкесская княжеская элита, покидала места своего традиционного обитания и уходила

под защиту предгорных лесов и ущелий, менее доступных для вторжений российских войск. А на «мирных» черкесов проживавших напротив Кубанской линии начинает распространяться так называемое приставское управление, где пристав выполнял полицейские функции, надзирая за умонастроениями коренного населения. Разрушаются иерархическая структура традиционной земельной собственности, ее фамильный принцип и весь комплекс связанных с ней привилегий. Территориальные захваты, отмежевания, игнорирование российским военным начальством традиционной феодальной земельной собственности и связанных с ней прежних прав и привилегий приводят к тому, что черкесские князья с середины XIX в. лишаются возможности наследовать земли, которые издревле от предков принадлежали им.

Литература:

1. Под стягом России: сборник архивных документов / сост. А. Сазонова [и др.]. М.: Русская книга, 1992. 432 с.
2. Фадеев А.В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М.: Академия Наук СССР, 1958. С. 312-369; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. С. 32-34, 97-100; Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп: МГТУ, 2007. С. 78-83; Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп: Магарин О.Г., 2014. С. 165-170.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1018. Оп. 3. Д. 140.
4. РГИА. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 139.
5. РГИА. Ф. 1018. Оп. 7. Д. 398.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 1122.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 482. Оп. 1. Д. 62.
8. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 286.
9. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 67.
10. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42.
11. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 630.
12. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 329.
13. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 880.

References:

1. *Under the banner of Russia: collection of archival documents / comp. by A.A. Sazonova [and oth.]. M.: Russian Book, 1992. 432 p.*
2. *Fadeev A.V. Russia and The Eastern crisis of 1820-s. M.: Academy of Sciences of the USSR, 1958. P. 312-369; History of the peoples of the North Caucasus (the end of the XVIII century -1917) / Ed. by A.L. Narochnitsky. M.: Nauka, 1988. P. 32-34, 97-100; Panesh A.D. The Western Circassia in the system of cooperation of Russia and Turkey, England and the Imamah of Shamil in the XIX century. (Up to 1864). Maikop: MSTU, 2007. P. 78-83; Kudaeva S.G. The Adygs (Circassians) of the Northwest Caucasus in the XIX century: the processes of the Adygh society differentiation and transformation. Maikop: Magarin O.G., 2014. P. 165-170.*
3. *The Russian State Historical Archive (hereinafter - RSHA). F.1018. Op.3. D.140.*
4. *The RSHA. F.1018. Op.3. D.139.*
5. *The RSHA. F.1018. Op.7. 1830 D.398.*
6. *The State Archive of the Krasnodar Territory (SAKT). F.249. Op.1. D.1122.*
7. *The Russian State Military Historical Archive (RSMHA). F.482. Op.1. D.62.*
8. *The SAKT. F.261. Op.1. D.286.*
9. *The RSMHA. F.13454. Op.6. D.67.*

10. *The RSMHA. F.13454. Op.6. D.42.*
11. *The RSMHA. F.846. Op.16. D.630.*
12. *The SAKT. F.261. Op.1. D.329.*
13. *The RSMHA. F.14719. Op.2. D.880*